

«МЕТОДЫ» И «ПОДХОДЫ»: ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ КЛЮЧЕВЫХ ПОНЯТИЙ СОВРЕМЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Кром Михаил Маркович

Европейский университет в Санкт-Петербурге,

г. Санкт-Петербург, Россия

krom@eu.spb.ru

Аннотация. В статье на основе анализа различных текстов историков конца XIX–начала XXI в. прослеживается формирование ключевых понятий, характеризующих приемы исторического исследования. Показано, что понятие «подход» начало активно использоваться историками только в последней трети XX в., одновременно с появлением разнообразных направлений в исторической науке. Предполагается, что это явление, как и предшествующая замена представлений о едином историческом («историко-критическом») методе идеей множественности методов, связано с нарастающей фрагментацией предметного поля и дроблением дисциплины истории на множество субдисциплин или направлений. Для теории и практики исторических исследований значим вывод о принципиальном различии между методом как стабильным, безличным и идеологически нейтральным инструментом исследования и подходом как набором идей, отражающих взгляды лидеров научного направления, изменчивым и подверженным научной моде.

Ключевые слова: методы, подходы, направления исторических исследований, исторический дискурс, фрагментация дисциплины истории.

Цитирование: Кром М.М. «Методы» и «подходы»: происхождение и эволюция ключевых понятий современного исторического дискурса // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 4. С. 92–108. DOI 10.18522/2500-3224-2021-4-92-108 / Krom M.M. Methods and Approaches: the Origins and Evolution of the Key Concepts of the Contemporary Historical Discourse, in *Novoe Proshloe / The New Past*. 2021. No. 4. Pp. 92–108. DOI 10.18522/2500-3224-2021-4-92-108.

© Кром М.М., 2021

METHODS AND APPROACHES: THE ORIGINS AND EVOLUTION OF THE KEY CONCEPTS OF THE CONTEMPORARY HISTORICAL DISCOURSE

Krom Mikhail M.

European University at St. Petersburg,

Saint-Petersburg, Russia

krom@eu.spb.ru

Abstract. Relying on the analysis of various historians' texts, from the late 19th to the early 21st century, the paper traces the origins and the further evolution of methods and approaches as key concepts related to the instruments of historical research. As this survey demonstrates, the concept of approach entered the historical discourse only in the last third of the 20th century, simultaneously with the rise of various trends in historical writing. This phenomenon, as well as the previous substitution of the only historical method with the idea of methodological pluralism, might have been related to an increasing fragmentation of historical field and splitting of the discipline into many specialized areas. The paper concludes with stressing the basic differences between methods and approaches as tools of historical research: the former are just sets of particular techniques, impersonal, stable over time and free of any ideology, while the latter, on the contrary, are sets of ideas and values, bearing imprints of their inventors' personalities, ideologically loaded and susceptible to academic fashion.

Keywords: methods, approaches, trends in historical research, historical discourse, fragmentation of historical field.

В языке современных историков, когда речь заходит о приемах или направлениях исследования, наряду с уже привычным термином «методы» все чаще употребляется несколько загадочное слово «подходы». Загадочным оно выглядит потому, что в то время как характеристике методов исторического исследования посвящено немало статей, монографий, учебных пособий [Historische Methode, 1988; Ковальченко, 1993; Бочаров, 2006; Гринин, Коротаев, Крадин, 2014], категория «подход», насколько мне известно, еще ни разу не удостоилась особого внимания, и ее смысл применительно к работе историка остается неясным.

Иногда указанные понятия используются вместе, образуя устойчивое словосочетание: так, в учебнике Людмилы Йордановой, призванном познакомить студентов с азами профессии историка, один из разделов второй главы назван «Методы и подходы» (*Methods and approaches*). Автор (на момент выхода цитируемой книги (2000) — профессор университета Восточной Англии) упоминает эти категории в связи с описанием внутреннего деления дисциплины истории: такое деление, говорит Йорданова, возможно, в том числе, «по методу или, в более широком плане (*more loosely*), по подходу» [Jordanova, 2000, p. 49]. Поясняя свою мысль, она приводит «два контрастных примера» — количественную историю и устную историю. Казалось бы, отсюда следует, что использование статистики в истории — это метод, а устная история — это подход, но автор такого четкого деления не проводит. Более того, рассказав о применении количественных методов в экономической истории, Йорданова считает нужным подчеркнуть, что экономическая история — это очень широкое поле исследования, несводимое к статистике, и далее интригует читателя заявлением о том, что она видит в экономической истории «скорее подход, чем метод» (*more an approach than a method*) [Jordanova, 2000, p. 52]. И, наконец, словно для того, чтобы окончательно запутать дело, Йорданова называет уже упомянутую устную историю «наглядным примером основанного на методе деления (*method-based division*) внутри [исторической] дисциплины» [Jordanova, 2000, p. 52].

Приведенный пассаж из книги британского профессора свидетельствует о том, что грань между «подходами» и «методами» в современной исторической литературе совершенно размыта. Очевидно, «подход» понимается как менее строгий, более широко трактуемый метод. Но зачем вообще понадобилось еще одно понятие в дополнение к давно существующим «методам»? И какой новый смысл несут так называемые «подходы»? В имеющейся литературе ответов на эти вопросы нет. В предлагаемой статье я попытаюсь — в той мере, в какой это возможно в рамках небольшой журнальной публикации, — восполнить указанный пробел и проанализировать изменения, которые внесло в методологию исторического исследования появление разнообразных «подходов».

Начать, однако, нужно с краткого экскурса в историю понятия «метод» в нашей науке. По мнению Йорна Рюзена, крупнейшего современного специалиста в области теории и эпистемологии истории, «исторический метод можно определить как сумму правил, по которым человеческое прошлое осовременивается как история» [Rüsen, 1988, S. 62]. Развивая далее свой тезис, немецкий ученый отметил, что исторический метод может пониматься и в широком смысле — как принцип исторической мысли и

критерий научности истории, и в более узком – как совокупность правил исторического исследования [Rüsen, 1988, S. 67, 68]. Рюзен справедливо также обратил внимание на то, что в ходе развития исторической мысли менялся взгляд на то, какие правила авторитетны (*maßgebend*) для ремесла историка. Так, в раннее Новое время (XVI–XVIII вв.) «метод» в изучении истории понимался прежде всего дидактически и риторически [Rüsen, 1988, S. 62–63]. Примером такого понимания «метода» может служить, в частности, сочинение знаменитого французского философа и правоведа Жана Бодена «Метод легкого познания истории» (1566) [Боден, 2000].

Но уже в первые десятилетия XIX в. ситуация изменилась. История, ставшая к тому времени в некоторых европейских странах университетской дисциплиной, осознала себя уже не как источник назидательных примеров и не как средство приятного времяпрепровождения знатных особ, а как наука, и в этом качестве ей требовался исследовательский метод. Им стал так называемый «критический метод», т.е. историко-филологическая критика источников. Его основоположником считают выдающегося историка античного Рима Бартольда Георга Нибура (1776–1831) [Утченко, 1967, стб. 148; Историография..., 1980, с. 58].

Историко-критический метод оставался главным и, по сути, единственным методом исторической науки вплоть до начала XX в. Хотя в названии лекционного курса оксфордского профессора Эдуарда Фримана, опубликованного впервые в 1886 г., слово «метод» было употреблено во множественном числе («Методы изучения истории»), речь в этом курсе шла всё о том же критическом прочтении источников. Во вступительной лекции («Об обязанностях профессора истории») Фриман решительно настаивал на том, что «в наше время самая остроумная и самая красноречивая историческая лекция должна представлять собой только комментарий к источникам, к текстам» [Фриман, 2011, с. 14].

В получившем широкую известность «Введении в изучение истории» Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса (1898), ставшем своего рода манифестом французской «методической школы», выражение «исторический метод» встречается многократно, причем неизменно – в единственном числе [Ланлуа, Сеньобос, 2004, с. 43–45, 83, 193, 196 и др.]. Этот метод французские историки называли «косвенным», ибо в отличие от естествознания, в котором возможно прямое наблюдение, единственным способом изучения минувших событий, доступным историку, является умозаключение на основе оставленных ими следов: «Документ служит ему (историку. – М.К.) точкою отправления», – говорят Ланглуа и Сеньобос, – а факты прошлого – конечную целью исследования» [Ланлуа, Сеньобос, 2004, с. 83].

В свете таких представлений о «методе истории» понятно, почему центральное место во «Введении» отведено внешней и внутренней критике источников. О других методах исследования речь если и заходит, то мимоходом (например, о статистике, названной «вполне сложившимся методом», авторы сочли возможным упомянуть в кратком примечании: [Ланлуа, Сеньобос, 2004, с. 246, прим. 1]), а к сравнительному методу, который к тому времени уже активно освоили британские антропологи, Ланглуа и Сеньобос отнеслись с явным недоверием [Ланлуа, Сеньобос, 2004, с. 259].

В XX в. историческая наука пережила несколько масштабных трансформаций. Прежде всего, чрезвычайно расширилось поле исследований. На смену былой монополии политической истории пришло невиданное многообразие жанров и направлений. Фрагментация предметного поля усилилась во второй половине минувшего столетия и продолжается до сих пор¹.

Кроме того, изменились отношения истории с другими науками. Историки XIX в., формулируя свой «метод», подчеркивали специфику собственной дисциплины и отстаивали ее автономию на фоне успехов естественных наук. В XX в. эта задача уже потеряла свою актуальность, зато историки стали проявлять интерес к активно развивавшимся социальным и гуманитарным наукам: экономике, социологии, психологии, антропологии и т.д., — и это немало способствовало возникновению новых направлений в самой исторической науке.

Иными словами, представления о единственном «историческом методе» соответствовали периоду становления истории как науки, когда сохранялось единство формирующейся профессиональной дисциплины, а начавшееся в XX в. безудержное расширение поля исследований и постепенно проявившаяся тенденция к междисциплинарности создали условия для методологического плюрализма.

Об изменениях в представлениях историков об их ремесле, произошедших к середине XX в., можно судить по авторитетному энциклопедическому справочнику «История и ее методы», опубликованному в 1961 г. парижским издательством «Галлимар» [L'Histoire et ses méthodes, 1961]. Название сборника отражает идею множественности методов, находящихся в арсенале историка. Впрочем, само содержание справочника свидетельствует о том, что наследие «методической школы» во Франции не было полностью пересмотрено или забыто даже спустя 60 с лишним лет после выхода упомянутой выше книги Ланглуа и Сеньобоса.

«Методы», о которых шла речь в сборнике 1961 г., представляли собой способы сбора, анализа и хранения разнообразных «свидетельств» (*témoignages*) и относились к тому, что мы привыкли называть вспомогательными историческими дисциплинами: это — палеография, нумизматика, сфрагистика, дипломатика, генеалогия, геральдика и т.д. (в отличие от российской научной традиции, в тот же ряд попала и археология). Не обошлось, разумеется, и без «критики текстов» и библиографии. Но, наряду с традиционными в подобных руководствах материалами, составители включили в свой справочник раздел, озаглавленный «Некоторые новые направления» (*orientations nouvelles*), и здесь среди прочего была опубликована статья медиевиста Жоржа Дюби «История ментальностей» [Duby, 1961] — первый очерк заявившего о себе нового направления, которое вскоре завоевало широкую известность во Франции и за ее пределами.

Вероятно, сам Дюби и редактор тома, в котором была опубликована его статья, видели в истории ментальностей новый многообещающий метод. Однако в дальнейшем исследователи, подобно Жаку Ле Гоффу, подчеркивали нечеткий, расплывчатый

¹ О проблеме фрагментации дисциплины истории, по-разному оцениваемой разными учеными, см., в частности: [Burke, 1992, p. 1–2, 18–19; Мегилл, 2009, гл. III и IV, с. 255–357].

характер понятия «ментальность» и характеризовали это направление не как метод, а как проблемно-тематическое поле [Le Goff, 1974, p. 90]. А Жак Ревель писал в 1980-х гг., что история ментальностей, «пытаясь умножить до крайности свои объекты и подходы, рискует потерять свою идентичность». Он видел парадокс в том, что, «как формула», история ментальностей добивается полного успеха в тот самый момент, когда «в качестве подхода» (*comme démarche*) она, похоже, становится в высшей степени ненадежной (*la plus fragile*) [Revel, 1986, p. 455, 456].

«Подход»: вот и прозвучало слово, без которого в наши дни невозможно себе представить характеристику ни одного из новых направлений исследований. Ниже мы попытаемся разобраться в том, как связаны между собой рост популярности термина «подход» и появление многочисленных направлений в исторической науке.

Показательно, что, когда в 1990-х гг. мода на историю ментальностей пришла наконец в Россию и в отечественных журналах стали выходить статьи на эту тему, авторы одной из них уже на первой странице заявили о своем намерении «рассмотреть историю ментальностей... в русле развития новых подходов в историческом исследовании» [Зубкова, Куприянов, 1995, с. 153]. Далее, правда, они ставят вопрос о «ментальном измерении истории как методе исторического познания, методе исторической науки» [Зубкова, Куприянов, 1995, с. 154], демонстрируя тем самым отсутствие четкой грани между «методами» и «подходами» в языке современных историков, о чем уже я уже упоминал выше в связи с книгой Л. Йордановой.

Создается впечатление, что нынешняя необыкновенная востребованность понятия «подход» — это сравнительно недавнее явление и что рост его популярности начался в последние десятилетия XX в. При этом ни в одном известном мне языке соответствующие слова не являются неологизмами.

Так, в английском языке, согласно словарю Мерриам-Вебстер, слово *approach* в его основном значении («приближение») известно с XV в. [Approach]. Употреблялось оно и в научном дискурсе, но до середины XX в. в трудах историков встречается сравнительно редко. Например, его нет в упомянутом выше курсе лекций Э. Фримана «Методы исторического исследования» [Freeman, 1886]. И даже полвека спустя, в трактате известного историка и философа Р. Дж. Коллингвуда «Идея истории», опубликованном посмертно в 1946 г., слово *approach* употреблено лишь один раз: говоря о римском историке Таците, Коллингвуд замечает: «Тацит испробовал новый подход (в оригинале: «a new approach». — М.К.) к истории, подход психолого-дидактический, но последний вместо того, чтобы обогатить исторический метод, фактически обеднил его, продемонстрировав снижение стандартов исторической добросовестности» [Коллингвуд, 1980, с. 41; ср.: Collingwood, 1946, p. 40]¹.

¹ В русском издании «Идеи истории» (1980) слово «подход» встречается десятки раз [Коллингвуд, 1980, с. 6, 8, 27, 40, 41, 45, 51, 57, 60, 71, 74, 89, 102, 107, 125, 130 и др.], что создает иллюзию, будто Коллингвуд систематически использовал этот термин в своем трактате. На самом деле, как показала сверка с оригиналом, переводчик (Ю.А. Асеев) при помощи слова «подход» передавал самые разные английские слова и выражения; единственный случай, где русскому слову «подход» соответствует англ. *approach*, приведен мною выше. Таким образом, лексика русского перевода отражает научный дискурс поздней советской эпохи, а не словоупотребление британского историка начала 1940-х гг.

Таким образом, «подход» (*approach*) в понимании британского ученого означал что-то вроде индивидуальной манеры, оригинальных приемов работы того или иного автора, которые могли улучшить или ухудшить «исторический метод», сам же «метод» в глазах Коллингвуда, похоже, оставался единым.

К началу 1960-х гг. слово *approach* стало более популярным среди британских историков: во всяком случае, такое впечатление возникает при знакомстве с известной книгой Эдуарда Карра «Что такое история?». Карр использует интересующий нас термин около десяти раз – главным образом для того, чтобы подчеркнуть специфику работы историка, ее отличия от других наук. Он, в частности, противопоставляет «подход историка» подходу естествоиспытателя, отмечает особенности «подхода историка» к проблеме причинности, его отношения к прошлому и т.д. [Carr, 1961, p. 92, 115, 116, 135, 166].

Заметим, что, в отличие от Коллингвуда, у Карра «подход» (*approach*) означает уже не индивидуальную манеру конкретного исследователя, а характеристику исторической профессии в целом, и несет бóльшую смысловую нагрузку, чем собственно «метод», который применительно к истории упоминается в его книге всего раза три [Carr, 1961, p. 70, 71, 111].

Однако решающие изменения в использовании и трактовке обсуждаемого понятия произошли, по моим наблюдениям, на рубеже 1960–1970-х гг. и были связаны со становлением целого ряда новых направлений исторических исследований.

В 1969 г. вышла статья Квентина Скиннера «Значение и понимание в истории идей», которую теперь считают «методологическим манифестом» Кембриджской школы интеллектуальной истории [Атнашев, Велижев, 2018, с. 15]. В этой работе молодой тогда британский историк бросил вызов традиционной истории идей. Уже на второй странице Скиннер назвал неадекватными прежние подходы к анализу литературных и философских текстов и заявил о необходимости «альтернативного подхода» (*an alternative approach*) [Skinner, 1969, p. 4]; всего же в 50-страничной статье слово «подход» (*approach*) употреблено 21 раз! Правда, столь же часто в качестве синонима этого понятия автор пользуется термином «методология» (20 упоминаний) и, реже, словом «метод» (6), но подобная взаимозаменяемость «подхода» и «метода» не должна нас удивлять: как уже говорилось, она характерна и для нынешнего языка историков. А вот на что здесь действительно стоит обратить внимание, так это на резкий рост популярности понятия «подход» и на то, что идея единого «исторического метода» осталась в прошлом. Отныне слова «подход» и «метод» активно используются для характеристики конкретных приемов в том или ином отдельно взятом предметном поле или направлении исследований.

А годом позже в издательстве Кембриджского университета была опубликована книга, само название которой указывало на рождение нового научного направления. Я имею в виду книгу Алана Макфарлейна «Семейная жизнь Ральфа Джосселина, священника XVII в. Очерк исторической антропологии». Будучи сугубо эмпирическим исследованием, книга не содержит особого теоретического раздела, но во

введении автор, представляя читателю свой труд, упоминает об «антропологическом подходе», лежащем в его основе [Macfarlane, 1970, p. 11].

Популярность понятия «подход» выросла в те годы и среди французских исследователей. В 1974 г. Жак Ле Гофф и Пьер Нора издали трехтомный сборник, призванный продемонстрировать достижения «новой исторической науки», ассоциируемой со школой «Анналов». Второй том, как гласил заголовок, был полностью посвящен «новым подходам» (*nouvelles approches*) в изучении самых разных областей: археологии, экономики, демографии, религии, литературы, искусства, политики и т.д. [Faire de l'histoire, 1974].

Аналогичный сборник, посвященный новым направлениям исторических исследований, но с интернациональным составом участников, вышел в 1991 г. в Оксфорде под редакцией Питера Берка¹. Характерно, что практически никто из авторов сборника не смог обойтись без слова «подход», говоря об интересующей его теме. Так, редактор тома П. Берк во введении к книге использовал его трижды: сначала применительно к истории повседневности, затем — исторической психологии (или «психо-истории») и, наконец, обобщенно, поддержав идею Майкла Каммена об интеграции «различных подходов к истории» [Burke, 1992, p. 11, 16, 20]. Джиму Шарпу понятие «подход» понадобилось для характеристики «истории снизу» [Sharpe, 1992, p. 26, 27, 32, 33], Джованни Леви — микроистории [Levi, 1992, p. 106], Хенку Весселингу — так называемой «истории заморских территорий», т.е. истории бывших колониальных стран, а Рой Портер описал различные подходы к истории тела [New Perspectives..., 1992, p. 71, 88–89, 206–212].

Статьи Шарпа и Леви, опубликованные в сборнике под редакцией П. Берка, как мне кажется, помогают лучше понять мотивы, которые побуждают современных историков чаще пользоваться расплывчатым термином «подходы», чем более строгим — «методы». Поэтому стоит остановиться на них чуть подробнее.

Шарп, несколько раз назвав «историю снизу» (*history from below*) «подходом», затем задается «фундаментальным», по его словам, вопросом: «является ли «история снизу» *подходом* к истории или определенным *типом* истории?» (выделено Шарпом. — М.К.). Под «типом» автор понимает жанр или область специализации (экономическая история, политическая, военная и т.д.) [Sharpe, 1992, p. 32]. И, хотя сам Шарп не дает ясного ответа на свой вопрос, но поставленная им проблема, действительно, заслуживает внимания.

Дело в том, что научная логика обычно различает метод изучения и его предмет. Между тем, многие современные направления исторических исследований, ярким примером которых может служить «история снизу», включают в себя и некое предметное поле (в данном случае — историю простых людей, угнетенных классов, низших слоев общества и т.д.), и приемы его изучения. И поэтому в качестве синонима направления исследования новый «эластичный» термин «подход» может казаться более приемлемым, чем старый и более строгий «метод».

¹ Ниже я цитирую этот сборник по американскому изданию 1992 г.

Статья Джованни Леви – один из самых известных и часто цитируемых «манифестов» микроистории (рус. пер. см.: [Леви, 1996]). В этой работе он назвал ряд научных идей и мировоззренческих принципов, важных для основателей упомянутого направления исследований, в том числе: уменьшение масштаба, критика функционализма, роль индивидуального (но без противопоставления социальному), внимание к проблеме восприятия и нарратива, особое определение контекста, отказ от релятивизма [Levi, 1992, p. 110; Леви, 1996, с. 185]. Но все эти принципы невозможно представить себе в виде некоего алгоритма исследовательских процедур: правил метода в строгом смысле слова ни Леви, ни другие микроисторики не предлагают. И поэтому употребленное самим итальянским ученым выражение «микроисторический подход» [Levi, 1992, p. 106; Леви, 1996, с. 181] как нельзя лучше характеризует это влиятельное направление исторической мысли.

Вероятно, наряду с приведенными соображениями следует учесть и другие факторы, способные объяснить удивительную популярность понятия «подход» среди современных историков. В частности, свою роль, возможно, сыграла отмеченная И.М. Савельевой тенденция последних нескольких десятилетий – ослабление стандартов строгого научного изложения [Савельева, 2017, с. 11]. Этот антисциентизм, усиленный «лингвистическим поворотом», проявился довольно рано: еще в 1971 г. Поль Вен, большой поклонник творчества Фуко, начал свою книгу «Как пишут историю» с категорического заявления: «История – не наука... она не дает объяснений и не имеет метода...» [Вен, 2003, с. 6]. Из того же ряда – отрицание некоторыми учеными наличия сравнительного метода в истории (о полемике вокруг исторического сравнения пойдет речь ниже). Понятно, что в глазах историков, отрицающих научность своей дисциплины, широко понимаемый «подход» выглядит лучше, чем одиозный «метод».

Но каковы бы ни были причины обсуждаемого явления, факт остается фактом: к концу XX в. «подход» занял прочное место в историческом дискурсе. Более того, он стал термином: в каждом языке из множества близких по смыслу слов выделилось одно, за которым и закрепилось значение «подход». В английском языке таким термином стало слово *approach*, во французском – *approche*, в немецком – *Ansatz* и т.д. Между ними установилось соответствие, и, когда, например, в ходе дебатов о совместимости микро- и макроистории в конце 1990-х гг. немецкий историк Юрген Шлюмбом писал о *Mikro- und Makro-Ansätze*, а его итальянский коллега Маурицио Грибауди – по-французски о *macro- et micro-approches*, то оба участника дискуссии имели в виду одно и то же [Mikrogeschichte – Makrogeschichte..., 2000, S. 10, 85].

Однако, хотя «подходы» потеснили «методы» на историческом олимпе, они не заменили их целиком. Установилось своего рода «двоевластие», выражаемое формулой «методы и подходы». Именно такую формулу использовала Людмила Йорданова в книге, которую я процитировал в начале этой статьи, когда ей нужно было обозначить сразу весь исследовательский инструментарий, находящийся в распоряжении историка. При этом, как мы помним, она не дала определения ни одной из этих двух категорий, ограничившись «наглядными примерами»: понятие «метод» было проиллюстрировано ссылкой на количественную историю, а «подход» был представлен устной историей.

На мой взгляд, в данном случае мы имеем дело с характерным для историков идеально-типическим (в духе Макса Вебера) образованием понятий: за образец метода вообще принимаются количественные методы, а на другом полюсе находятся менее формализованные, более расплывчатые «подходы», «представителем» которых у Йордановой по неочевидной для меня причине выступает устная история.

Таким образом, можно предположить, что современные представления о подходах и методах в истории имеют описанную выше двухполюсную структуру и основываются на неких признанных образцах. Некоторое подобие консенсуса в научном сообществе существует по поводу «образцовых» методов и хорошо известных подходов, а между этими двумя полюсами располагается обширная зона неопределенности.

Статус метода безоговорочно признается за количественными методами, что выражается в том числе терминологически: никто не назовет «подходом» регрессионный или корреляционный анализ. Определенный консенсус есть и по поводу просопографии (метода коллективной биографии). Еще в 1971 г. Лоренс Стоун, характеризуя эту исследовательскую технику, последовательно именовал ее «методом», лишь раз употребив в качестве синонима выражение «просопографический подход» [Stone, 1971]. С тех пор, похоже, отношение историков к просопографии не изменилось, и в современной литературе на разных языках она описывается при помощи термина «метод» или «методы» [Дюфо, Оффенштадт, 2011].

Но уже в отношении устной истории такой ясности нет: обладает ли это популярное направление собственным методом, или под этим «брендом» скрывается разнородное изображение практик и подходов? Мнение Л. Йордановой на сей счет мы уже знаем: она отнесла устную историю к категории «подходов». Чаще, однако, в специальной литературе можно встретить другое определение, согласно которому устная история – это метод исследования [Abrams, 2016, p. 1], а многочисленные справочники и руководства по этому предмету, содержащие, как правило, раздел «методология» (см., напр.: [Handbook..., 2008; The Oxford Handbook..., 2011]), по-видимому, направлены на повышение эффективности используемой методики.

Еще больше споров вызывает эпистемологический статус исторического сравнения. В 1928 г. Марк Блок в получившей широкую известность статье старался убедить коллег в том, что сравнительный метод – это «рабочий инструмент, удобный в употреблении и способный приносить положительные результаты». Его совершенствование Блок назвал «одной из самых насущных задач», стоящих перед исторической наукой [Блок, 2001, с. 65]. О сравнительном методе в истории продолжали писать и в послевоенные десятилетия, но в 1980 г. Реймонд Гру, тогдашний редактор журнала «Сравнительные исследования общества и истории», заявил, что «сравнительный метод» – это выражение, напоминающее о XIX в., что идея сравнения для историков всё еще нуждается в демистификации и что «историческое сравнение не больше привязано к одному-единственному методу, чем сама дисциплина истории» [Grew, 1980, p. 776]. С тех пор как только не называли сравнение в истории: «перспективой», «приемом», даже «сравнительным воображением», но

чаще всего для этого используется выражение «сравнительный подход» (см. подробнее: [Кром, 2015, с. 124–126]).

Между тем, хотя никто пока не попытался выяснить, что следует понимать под термином «подход» в истории (настоящая статья является одной из первых попыток такого рода), можно заметить, что у этого термина есть сейчас своя область применения: так, микроистория, история повседневности и другие разновидности антропологически ориентированной истории последовательно именуется в новейшей литературе *подходами* (см.: [Gentilcore, 2010; Кром, 2010, с. 21, 73, 117, 188; Словарь историка, 2011, с. 62, 72, 101; Szijártó, 2013, p. 4–7, 11]).

То же относится и к бурно развивающимся сейчас на волне глобализации направлениям вроде транснациональной или глобальной истории. В частности, сторонники транснациональной истории неоднократно подчеркивали, что это направление представляет собой определенный подход к истории, угол зрения, и что существуют много способов ведения исследований в упомянутом русле [Iriye, 2004, p. 213; AHR Conversation..., 2006, p. 1441, 1446, 1454, 1456, 1459]. А Себастьян Конрад в недавно изданной книге о глобальной истории так охарактеризовал изучаемое им направление: «Глобальная история — одновременно и предмет исследования, и определенный научный подход к истории (*a particular way of looking at history*): процесс и ракурс, объект и методология. Обладая такой двойственной природой, она напоминает другие области/подходы (*fields/approaches*) внутри исторической науки, такие как социальная или гендерная история» [Конрад, 2018, с. 28–29; ср.: Conrad, 2016, p. 11].

Посвятив целую главу описанию глобальной истории как «особого подхода» (*a distinct approach*), Конрад выделил еще одну для критического анализа «конкурирующих подходов» (*competing approaches*), в число которых попали компаративистика, транснациональная история, мир-системная теория и др. [Конрад, 2018, гл. 3 и 4; Conrad, 2016, p. 37, 62]. Вообще термин «подход» является смыслообразующим в труде Конрада: в американском издании его книги слова *approach/approaches* встречаются 432 раза!

С отнесением сравнительной истории к числу подходов можно и поспорить, но идея немецкого ученого о «гибридной» природе современных направлений, сочетающих в себе и предметное поле, и подход к его изучению, на мой взгляд, верна и заслуживает серьезного внимания.

Таким образом, несмотря на отсутствие формальных определений, анализ современного исторического дискурса позволяет сделать вывод о том, что «методы» и «подходы» — это *разные* категории исторического познания¹. Метод, прежде всего, предполагает набор правил или, по крайней мере, полезных рекомендаций («рецептов»), которые могут быть изложены в виде некоего алгоритма и затем воспроизведены на практике. Подход, ассоциируемый сейчас с одним из направлений исследований, не содержит ни правил, ни даже простых советов, которым можно

¹ Здесь я развиваю наблюдения, ранее сформулированные в кн.: [Кром, 2015, с. 126–130].

было бы следовать. Подход обычно предлагает выбор тематики (исследовательского поля), а также ряд идей, принципов, установок, которые определяют интерпретацию изучаемых сюжетов или проблем.

Экспансия «подходов» в конце XX–начале XXI в., на мой взгляд, вписывается в ту же логику дробления исследовательского поля и образования всё новых субдисциплин, которая объясняет произошедший ранее отказ от единого «историко-критического метода», доминировавшего в XIX в., и признание множественности методов. С пролиферацией разнообразных направлений в последней трети XX в. возникла необходимость в термине, который бы не был обременен ассоциациями со строгими методическими правилами, процедурами и т.д. Таким термином в конце концов и стал «подход».

Если попытаться дорисовать «портреты» идеального метода и типичного подхода, то получится следующая картина. Во-первых, метод безличен: чтобы правильно пользоваться контент-анализом или методом интервью, совершенно обязательно знать, кто их изобрел. Подход, напротив, несет на себе отпечаток личности автора, и внутри одного направления, как правило, существуют разные подходы, между которыми возникают споры (см., например, о полемике внутри итальянской микроистории: [Кром, 2010, с. 97–99, 103–106]).

Во-вторых, метод идеологически нейтрален, а любой подход обычно связан с каким-то мировоззрением и в той или иной степени идеологически ангажирован.

Наконец, в-третьих, методы устойчивы во времени (прообразы интервью, критики источников и сравнительного метода были известны еще древнегреческим историкам) и поддаются совершенствованию, а подходы подвержены научной моде и меняются с приходом очередного поколения ученых.

Отмеченные различия между этими категориями, на мой взгляд, имеют отнюдь не только теоретическое, но и сугубо практическое значение, поскольку метод как совокупность конкретных исследовательских приемов и подход как некий набор идей предоставляют историку отнюдь не одинаковые возможности и должны использоваться по-разному. Но, разумеется, этот вопрос заслуживает уже отдельного рассмотрения.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Атнашев Т., Велижев М. Кембриджская школа: история и метод // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. Сост. Т. Атнашев, М. Велижев. М.: НЛО, 2018. С. 7–50.

Блок М. К сравнительной истории европейских обществ // Одиссей. Человек в истории. 2001. М.: Наука, 2001. С. 65–93.

Боден Ж. Метод легкого познания истории. Пер. М.С. Бобковой. М.: Наука, 2000. 412 с.

Бочаров А.В. Основные методы исторического исследования. Учебное пособие. Томск: Томский гос. ун-т, 2006. 190 с.

- Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. Пер. Л.А. Торчинского. М.: Научный мир, 2003. 394 с.
- Гринин Л.Е., Коротаев А.В., Крадин Н.Н. Методы исторического исследования // Теория и методология истории: учебник для вузов. Отв. ред. В.В. Алексеев, Н.Н. Крадин, А.В. Коротаев, Л.Е. Гринин. Волгоград: Учитель, 2014. С. 386–408.
- Дюфо Г., Оффенштадт Н. Просопография // Словарь историка. Под ред. Н. Оффенштадта; пер. с фр. Л.А. Пименовой. М.: РОССПЭН, 2011. С. 143–144.
- Зубкова Е.Ю., Куприянов А.И. Ментальное измерение истории: поиски метода // Вопросы истории. 1995. № 7. С. 153–160.
- Историография античной истории: Учебное пособие. Под ред. В.И. Кузищина. М.: Высшая школа, 1980. 415 с.
- Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2003. 486 с.
- Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. Пер. и коммент. Ю.А. Асеева. М.: Наука, 1980. 486 с.
- Конрад С. Что такое глобальная история? Пер. с англ. А. Степанова. М.: НЛО, 2018. 312 с.
- Кром М.М. Историческая антропология: учебное пособие. 3-е изд., испр. и доп. СПб.; М.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге; Квадрига, 2010. 214 с.
- Кром М.М. Введение в историческую компаративистику: учебное пособие. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. 248 с.
- Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. Пер. с фр. А. Серебряковой. 2-е изд. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2004. 305 с.
- Леви Дж. К вопросу о микроистории // Современные методы преподавания новейшей истории: Материалы из цикла семинаров при поддержке Demoscrasy Programme. М.: ИВИ РАН, 1996. С. 167–190.
- Мегилл А. Историческая эпистемология. М.: «Канон⁺», 2009. 480 с.
- Савельева И.М. Историческая наука в XXI веке: ключевые слова // Диалог со временем. 2017. Вып. 58. С. 5–24.
- Словарь историка. Под ред. Н. Оффенштадта; пер. с фр. Л.А. Пименовой. М.: РОССПЭН, 2011. 222 с.
- Утченко С.Л. Нибур Б.Г. // Советская историческая энциклопедия. Т. 10. Нахимсон–Пергам. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1967. Стб. 147–148.
- Фриман Э. Методы изучения истории. Пер. с англ. П. Николаева. 2-е изд. М.: Книжный дом «Либроком», 2011. 196 с.
- Abrams L. *Oral History Theory*. 2nd ed. London; New York: Routledge, 2016. 238 p.
- AHR Conversation: On Transnational History // *The American Historical Review*. 2006. Vol. 111. № 5. Pp. 1441–1464.
- Approach*. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/approach> (дата обращения – 05 ноября 2021 г.).

- Burke P. Overture: the New History, its Past and its Future // *New Perspectives on Historical Writing*. Ed. by Peter Burke. University Park, Pennsylvania: The Pennsylvania State University Press, 1992. Pp. 1–23.
- Carr E.H. *What Is History?* New York: Vintage Books, 1961. 209 p.
- Collingwood R.G. *The Idea of History*. Oxford: Clarendon Press, 1946. 339 p.
- Conrad S. *What Is Global History?* Princeton N.J.; Oxford: Princeton University Press, 2016. 312 p.
- Duby G. Histoire des mentalités // *L'Histoire et ses méthodes*. Sous la dir. de Charles Samaran. Paris : Editions Gallimard, 1961. Pp. 937–966.
- Faire de l'histoire. T. 2. Nouvelles approches*. Sous la dir. de Jacques Le Goff et Pierre Nora. Paris: Editions Gallimard, 1974. 264 p.
- Freeman E. *The Methods of Historical Study. Eight Lectures Read in the University of Oxford in Michaelmas Term, 1884*. London: Macmillan and Co, 1886. 335 p.
- Gentilcore D. Anthropological Approaches // *Writing History: Theory and Practice*. 2nd ed. Ed. by Stefan Berger, Heiko Feldner and Kevin Passmore. London & New York: Bloomsbury Academic, 2010. Pp. 165–186.
- Grew R. The Case for Comparing Histories // *The American Historical Review*. 1980. Vol. 85. № 4. Pp. 763–778.
- Handbook of Oral History*. Ed. by T.L. Charlton et al. Lanham; New York; Toronto: AltaMira Press, 2008. 625 p.
- Historische Methode*. Hrsg. von Christian Meier und Jörn Rüsen. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1988. 341 S.
- Iriye A. Transnational History // *Contemporary European History*. 2004. Vol. 13. № 2. Pp. 211–222.
- Jordanova L. *History in Practice*. London: Arnold; New York: Oxford University Press Inc., 2000. 224 p.
- Le Goff J. Les mentalités. Une histoire ambiguë // *Faire de l'histoire. T. 3. Nouveaux objets*. Sous la dir. de Jacques Le Goff et Pierre Nora. Paris: Editions Gallimard, 1974. Pp. 76–94.
- L'Histoire et ses méthodes*. Sous la dir. de Charles Samaran (coll. Encyclopédie de la Pléiade). Paris : Editions Gallimard, 1961. 1792 p.
- Levi G. On Microhistory // *New Perspectives on Historical Writing*. Ed. by Peter Burke. University Park, Pennsylvania: The Pennsylvania State University Press, 1992. Pp. 93–113.
- Macfarlane A. *The Family Life of Ralph Josselin, a Seventeenth-Century Clergyman. An Essay in Historical Anthropology*. Cambridge: Cambridge University Press, 1970. 241 p.
- Mikrogeschichte – Makrogeschichte: komplementär oder inkommensurabel?* Hrsg. Von Jürgen Schlumbohm. 2. Aufl. Göttingen: Wallstein Verlag, 2000. 132 S.
- New Perspectives on Historical Writing*. Ed. by Peter Burke. University Park, Pennsylvania: The Pennsylvania State University Press, 1992. 254 p.
- Revel J. Mentalités // *Dictionnaire des sciences historiques*. Sous la dir. de André Burguière. Paris: PUF, 1986. Pp. 450–456.

- Rüsen J. *Historische Methode // Historische Methode*. Hrsg. von Christian Meier und Jörn Rüsen. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1988. S. 62–80.
- Skinner Q. *Meaning and Understanding in the History of Ideas // History and Theory*. 1969. Vol. 8. № 1. Pp. 3–53.
- Sharpe J. *History from Below // New Perspectives on Historical Writing*. Ed. by Peter Burke. University Park, Pennsylvania: The Pennsylvania State University Press, 1992. Pp. 24–41.
- Stone L. *Prosopography // Daedalus*. 1971. Vol. 100. № 1. Pp. 46–71.
- Szijártó I.M. Introduction: Against Simple Truths // Magnússon S.G. and Szijártó I.M. *What is Microhistory? Theory and Practice*. London; New York: Routledge, 2013. Pp. 1–11.
- The Oxford Handbook of Oral History*. Ed. D.A. Ritchie. Oxford; New York: Oxford University Press, 2011. 542 p.

REFERENCES

- Atnashev T., Velizhev M. *Kembridzhskaya shkola: istoriya i metod* [The Cambridge school: history and a method], in *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektualnoi istorii*. Ed. by T. Atnashev, M. Velizhev. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. Pp. 7–50 (in Russian).
- Bloch M. *K sravnitel'noi istorii evropeiskikh obshchestv* [Towards a comparative history of European societies], in *Odissei. Chelovek v istorii*. 2001. Moscow: Nauka, 2001. Pp. 65–93 (in Russian).
- Bodin J. *Metod legkogo poznaniya istorii* [A method of an easy study of history]. Moscow: Nauka, 2000. 412 p. (in Russian).
- Bocharov A.V. *Osnovnye metody istoricheskogo issledovaniya. Uchebnoe posobie* [The basic methods of historical research. A textbook]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 2006. 190 p. (in Russian).
- Veyne P. *Kak pishut istoriyu. Opyt epistemologii* [Writing history. An essay in epistemology]. Moscow: Nauchnyi mir, 2003. 394 p. (in Russian).
- Grinin L.E., Korotayev A.V., Kradin N.N. *Metody istoricheskogo issledovaniya* [The methods of historical research], in *Teoriya i metodologiya istorii: Uchebnyk dlia vuzov*. Ed. by V.V. Alexeev et al. Volgograd: Uchitel', 2014. Pp. 386–408 (in Russian).
- Dufaud G., Offenstadt N. *Prosopografiya* [Prosopography], in *Slovar' istorika*. Ed. by N. Offenstadt. Moscow: ROSSPEN, 2011. Pp. 143–144 (in Russian).
- Zubkova E.Yu., Kupriyanov A.I. *Mental'noe izmerenie istorii: poiski metoda* [The mental dimension of history: in search of a method], in *Voprosy istorii*, 1995. No. 7. Pp. 153–160.
- Istoriografiya antichnoi istorii: uchebnoe posobie* [The historiography of ancient history: A textbook]. Ed. by V.I. Kuzishchin. Moscow: Vysshaya shkola, 1980. 415 p. (in Russian).
- Koval'chenko I.D. *Metody istoricheskogo issledovaniya* [Methods of historical research]. 2nd ed. Moscow: Nauka, 2003. 486 p. (in Russian).
- Collingwood R.G. *Ideya istorii. Avtobiografiya* [The idea of history. Autobiography]. Transl. by Yu. Aseev. Moscow: Nauka, 1980. 486 p. (in Russian).

- Conrad S. *Chto takoe global'naya istoriya?* [What Is Global History?]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. 312 p. (in Russian).
- Krom M.M. *Istoricheskaya antropologiya: uchebnoe posobie* [Historical anthropology: A manual]. 3rd ed. St. Petersburg & Moscow: Izd-vo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge; Kvadriga, 2010. 214 p. (in Russian).
- Krom M.M. *Vvedenie v istoricheskuyu komparativistiku: uchebnoe posobie* [An introduction to historical comparison: A manual]. St. Petersburg: Izd-vo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2015. 248 p. (in Russian).
- Langlois C.-V., Segnobos C. *Vvedenie v izuchenie istorii* [An introduction to the study of history]. Moscow: Gos. publ. istor. biblioteka Rossii, 2004. 305 p. (in Russian).
- Levi G. On Microhistory, in *New Perspectives on Historical Writing*. Ed. by Peter Burke. University Park, Pennsylvania: The Pennsylvania State University Press, 1992. Pp. 93–113.
- Megill A. *Istoricheskaya epistemologiya* [Historical epistemology]. Moscow: Kanon+, 2009. 480 p. (in Russian).
- Savel'eva I.M. Istoricheskaya nauka v XXI veke: kliuchevye slova [History in the 21st century: Keywords], in *Dialog so vremenem*, 2017. No. 58. Pp. 5–24 (in Russian).
- Slovar' istorika* [A historian's dictionary]. Ed. by N. Offenstadt. Moscow: ROSSPEN, 2011. 222 p. (in Russian).
- Utchenko S.L. Nibur B.G. [Niebuhr B.G.], in *Sovetskaya istoricheskaya entsiklopediya*. Vol. 10. Moscow: Izd-vo Sovetskaya entsiklopediya, 1967. Col. 147–148.
- Freeman E. *Metody izucheniya istorii* [The methods of historical study]. 2nd ed. Moscow: Librokom, 2011. 196 p. (in Russian).
- Abrams L. *Oral History Theory*. 2nd ed. London; New York: Routledge, 2016. 238 p.
- AHR Conversation: On Transnational History, in *The American Historical Review*. 2006. Vol. 111. No. 5. Pp. 1441–1464.
- Approach*. Available at: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/approach> (accessed 05 November 2021).
- Burke P. Overture: the New History, its Past and its Future, in *New Perspectives on Historical Writing*. Ed. by Peter Burke. University Park, Pennsylvania: The Pennsylvania State University Press, 1992. Pp. 1–23.
- Carr E.H. *What Is History?* New York: Vintage Books, 1961. 209 p.
- Collingwood R.G. *The Idea of History*. Oxford: Clarendon Press, 1946. 339 p.
- Conrad S. *What Is Global History?* Princeton N.J.; Oxford: Princeton University Press, 2016. 312 p.
- Duby G. Histoire des mentalités, in *L'Histoire et ses méthodes*. Sous la dir. de Charles Samaran. Paris : Editions Gallimard, 1961. Pp. 937–966.
- Faire de l'histoire. T. 2. Nouvelles approches*. Sous la dir. de Jacques Le Goff et Pierre Nora. Paris: Editions Gallimard, 1974. 264 p.
- Freeman E. *The Methods of Historical Study. Eight Lectures Read in the University of Oxford in Michaelmas Term, 1884*. London: Macmillan and Co, 1886. 335 p.

- Gentilcore D.* Anthropological Approaches, in *Writing History: Theory and Practice*. 2nd ed. Ed. by Stefan Berger, Heiko Feldner and Kevin Passmore. London & New York: Bloomsbury Academic, 2010. Pp. 165–186.
- Grew R.* The Case for Comparing Histories, in *The American Historical Review*. 1980. Vol. 85. No. 4. Pp. 763–778.
- Handbook of Oral History*. Ed. by T.L. Charlton et al. Lanham; New York; Toronto: AltaMira Press, 2008. 625 p.
- Historische Methode*. Hrsg. von Christian Meier und Jörn Rüsen. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1988. 341 S.
- Iriye A.* Transnational History, in *Contemporary European History*. 2004. Vol. 13. No. 2. Pp. 211–222.
- Jordanova L.* *History in Practice*. London: Arnold; New York: Oxford University Press Inc., 2000. 224 p.
- Le Goff J.* Les mentalités. Une histoire ambiguë, in *Faire de l'histoire. T. 3. Nouveaux objets*. Sous la dir. de Jacques Le Goff et Pierre Nora. Paris: Editions Gallimard, 1974. Pp. 76–94.
- L'Histoire et ses méthodes*. Sous la dir. de Charles Samaran (coll. Encyclopédie de la Pléiade). Paris : Editions Gallimard, 1961. 1792 p.
- Levi G.* On Microhistory, in *New Perspectives on Historical Writing*. Ed. by Peter Burke. University Park, Pennsylvania: The Pennsylvania State University Press, 1992. Pp. 93–113.
- Macfarlane A.* *The Family Life of Ralph Josselin, a Seventeenth-Century Clergyman. An Essay in Historical Anthropology*. Cambridge: Cambridge University Press, 1970. 241 p.
- Mikrogeschichte – Makrogeschichte: komplementär oder inkommensurabel?* Hrsg. von Jürgen Schlumbohm. 2. Aufl. Göttingen: Wallstein Verlag, 2000. 132 S.
- New Perspectives on Historical Writing*. Ed. by Peter Burke. University Park, Pennsylvania: The Pennsylvania State University Press, 1992. 254 p.
- Revel J.* Mentalités, in *Dictionnaire des sciences historiques*. Sous la dir. de André Burguière. Paris: PUF, 1986. Pp. 450–456.
- Rüsen J.* Historische Methode, in *Historische Methode*. Hrsg. von Christian Meier und Jörn Rüsen. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1988. S. 62–80.
- Skinner Q.* Meaning and Understanding in the History of Ideas, in *History and Theory*. 1969. Vol. 8. No. 1. Pp. 3–53.
- Sharpe J.* History from Below, in *New Perspectives on Historical Writing*. Ed. by Peter Burke. University Park, Pennsylvania: The Pennsylvania State University Press, 1992. Pp. 24–41.
- Stone L.* Prosopography, in *Daedalus*. 1971. Vol. 100. No. 1. Pp. 46–71.
- Szijártó I.M.* Introduction: Against Simple Truths, in Magnússon S.G. and Szijártó I.M. *What is Microhistory? Theory and Practice*. London; New York: Routledge, 2013. Pp. 1–11.
- The Oxford Handbook of Oral History*. Ed. D.A. Ritchie. Oxford; New York: Oxford University Press, 2011. 542 p.